

Посвящение и благодарность

Посвящаю этот том семье и друзьям, которые всегда меня поддерживают и подталкивают, когда я хочу сдать. Легко что-то начать, но очень сложно продолжать и заканчивать, сохраняя тот же настрой и не опуская руки.

Хочу выразить благодарность всем читателям и блогерам, которые оставляли отзывы, выражали свое мнение, упоминали меня и мои книги, рассказывали о цикле. Без вашей поддержки третий том ждал бы своего часа еще очень долго.

Памятка (главные действующие лица)

Аалия Старской — дочь Мертора, сестра Райана, Ласса и Клейса, мать Ауруна, бывшая королева, супруга Гийера Старская. На данный момент мертва. Ее имя часто звучит во время получения каких-либо сведений об Ордене Тринадцати.

Аквуен Смелый — пожилой рыцарь Серого Братства, хороший друг и в некотором смысле наставник Клейса Фореста, один из охраны регента.

Амадинлин — жительница Новых Земель, прославленная воительница, отмеченная духами, парламентар между дикарями и жителями Дэйбрейка. Большую часть времени проводит в путешествиях и выполнении важных поручений. Отправилась в неизведанный Ферстленд вместе с отрядом и несколькими приятелями из коренных жителей ее земель, чтобы вернуть похищенного Венса.

Амфи и Оафи — пара водоземов, синеккожих человекоподобных существ, обитающих в Новых Землях. Они стали хорошими друзьями Рирза, а Амфи испытывает к бастарду особую привязанность. В данный момент проживают в озере близ Фридомхелла.

Арло Флейм — писарь из Новых Земель, ранее проживавший в Дэйбрейке, мужчина средних лет, попавшийся в лапы Культа Первых.

Арло Форест — младший брат Мертора Фореста, старше Райана всего на несколько лет. Дядя Райана, Ласса, Клейса, однако дядюшкой его называет все семейство. Отец нескольких дочерей и единственного сына, Ховвила.

Арелл Бладсворд — ныне покойный бывший правитель Династии Бладсворд, отец Брейва и Эрин, старший брат Мортона.

Аурон Старской — настоящий наследник Гийера Старская, скрытан от посторонних глаз у Вилстронгов. Знает, что он настоящий наследник, что на троне сидит подмена, совсем не помнит мать и родной замок, так как был увезен оттуда в раннем возрасте.

Аурон Старской-из-Санфелла — принц-подменыш, считающий себя настоящим наследником. Находится в Санфелле, обучается править.

Боуэн Хайтхорс — один из вассалов Форестов, лучший друг и советник Райана Фореста, выполняет за него всю работу и почти безвылазно находится в Гринтри.

Брейв Бладсворд — сын и наследник Арелла Бладсворда, брат Эрин. Более десяти лет назад лишился жены, в чем до сих пор себя обвиняет. Имеет взрослую дочь Эризу Редглас и сына-бастарда Эуана, который не знает о своем происхождении. После предательства вернувшейся сестры, приведшего к смерти очередного наследника и молодой супруги, решил, что проклят, и отправился в изгнание, выбрав для этого путешествие за пределы изученных земель. О его местонахождении ничего не известно.

Винсент Виллингпэриш — наследник и нынешний правитель Ветви Виллингпэриш, на начало третьего тома находится в плену у Кульга Первых. Приятель Арло Флейма.

Велес Лоудбелл — наследник рода, мечтал стать рыцарем, ради исполнения мечты убил собственного отца Отто Лоудбелла, бывшего рыцаря. После убийства сбежал из родного замка и вернулся к наставнику, сиру Саттону Настойчивому, который и внушил ему мысли об убийстве. Был отдан Кульгу Первых и лекарям-экспериментаторам.

Велес, Вилла и Венс — тройняшки, родственники Вихта Вайткроу, ныне проживающие в Новых Землях. Дети лорда Тхага Вайткроу и Таллимии, дикарки, принявшей все традиции и обряды захватчиков. Рождены в законном браке и воспитаны в замке, сочетают привычки Ферстленда и обычаи Новых Земель. Тяжело переживают расставание, никогда по своей воле не разлучались более чем на несколько часов.

Верд Флейм — наследник Дарона Флейма, должен занять его место, чему активно препятствует его дядя, Зейир Флейм. Мало понимает в военном деле, однако несколько битв под его командованием, скорее по чистой случайности, были успешными. Во время одной из схваток бежал, был пленен Глейгримами и, пока находился в плену, узнал противников ближе. Яро защищает свое право наследовать трон Великой Династии, хотя и не понимает, что с ним делать. Является обладателем дара управления огнем, который проснулся еще в детстве, однако большую часть жизни был вынужден скрывать способности.

Вихт Вайткроу — правитель Великой Династии, брат Леоны, друг Рирза. Отправился в Новые Земли, чтобы повидаться с тетей Либби, помочь ей и заодно посмотреть

новые территории, попал в плен к дикарям, откуда его выгнали бастард Рогора. Сумел вернуться и благодаря другу вернуть невесту и сыграть свадьбу. Считает Рирза частью семьи, вместе с ним захватил Фиендхолл, хотя не желал воевать. Обладает даром, который уже успел испытать, однако продолжает сомневаться в своих талантах.

Гартон Глейгрим — жена правителя Раяла Глейгрима, проживает в Этернитифелле.

Генли — один из Культа Первых, искал желающих примкнуть к культистам в Новых Землях и лордов, которых можно было бы выкрасть. Был отловлен Амадинлин и приведен в Дэйбрейк, откуда сбежал. Помогает брату Роулу.

Гилар Форест — жена регента Клейса Фореста, любовных отношений с мужем не имеет. В данный момент отправлена в отдаленный замок, подальше от столицы, вместе с бастардами Клейса Фореста и его любовницей.

Грогар — бастард Эрин Бладсворд, рожденный в браке матери и бродячего музыканта. Воспитан улицей, не обладает никакими знаниями, необходимыми для лорда, после изгнания Эрин был отправлен обучаться на юг.

Даффа Старская — сестра Гийера Старская, душевнобольная, многие годы находилась на лечении на острове Фейт.

Дариа Флейм — дочь Зейира Флейма, жена Хагсона Глейгрима, с унижения которой и началась война соседей.

Дарон Флейм — умерший правитель, отец Верда Флейма и брат Зейира Флейма. Единственный человек, который кое-как старался объединять семью.

Дейяра Глейгрим — мать Раяла и Хагсона. Пока сын на войне, помогает содержать в порядке Этернитифелл и земли.

Зейир Флейм — брат Дарона Флейма, дядя Верда, Фейлна и Марлы. Испытывает неприязнь к родне и ненависть к Слипингвишам, наследника которых жестоко убил. Считает себя достойным занять место правителя вместо брата, которого сам же и сжег. Является обладателем дара, благодаря которому готов расправляться со всеми врагами и несогласными.

Сир Зэуран Независимый — бывший рыцарь Серого Ордена, отправленный во время болезни Гийера Старская на остров Фейт на лечение. Считает своим священным долгом помочь наказать обидчиков короля, похитил вместе с Тобом Даффу Старской из Пристанища, чтобы вернуть домой.

Кайрус — королевский потомственный палач, исполнительный и преданный не только принцу, но и регенту, так как считает Фореста мудрым. За свою верность лишился младшего сына Рисса, когда пошел против Культа Первых, однако это не остановило его и он продолжает выполнять то, что должен.

Кейдс Форест — супруга Райана Фореста, мать Фейг Вайткроу. Сестра Брейва и Эрин Бладсворд. Очень переживает за обе семьи — и ту, в которой была рождена, и ту, частью которой стала после замужества. Не теряет надежды родить детей кроме Фейг и после долгих лет сумела произвести на свет здорового сына Мертора, подарив роду Форест прямого наследника.

Клейс Форест — регент при юном принце, младший сын Мертора Фореста, добрый друг и главный сторонник усопшего Гийера Старская. Формально управляет

Ферстлендом и делает все, чтобы вернуть в него покой и после посадить на трон настоящего принца.

Крэйд Блэкбоу — дядя Верда, Фейлна и Марлы, младший брат Дарона и Зейира, сын отца и второй жены. Стал супругом леди Ильмы Блэкбоу и продолжает ее Ветвь. Почти не бывает в землях своего рода, боится Зейира и предпочитает не вмешиваться в конфликты родственников. Во всем слушает супругу.

Лайтор — моряк, капитан корабля, помогал Вихту и Рирзу вернуться из Новых Земель на юг, а после — добраться до севера.

Ланиас — рыцарь из Серого Ордена, некогда служил Вайткроу, а после того, как у него сложились любовные отношения с леди Либби, отправился за ней в Новые Земли. После гибели возлюбленной преданно служит ее племяннику, вернулся вместе с ним в Ферстленд и участвовал в завоевании Фиендхолла.

Ласс Флейм — наследник и единственный сын Зейира Флейма. После войны отца со Слипингвишами был отдан в качестве заложника лорду Утосу Слипингвишу, прожил в землях западного лорда более половины жизни. Не испытывает тяги возвращаться домой, выбрал себе невесту из дочерей лорда Утоса и был готов жениться. Когда отец явился в его новый дом, принял сторону Слипингвишей и помог сбежать оставшимся в живых.

Ласс Форест — средний сын Мертора Фореста, брат Клейса и Райана. Всегда выступает в качестве советника и примиряющего двух братьев человека, поддерживает постоянную связь и с младшим, и со старшим.

Леон — рыцарь, лучший друг и преданный соратник Отто Тихого Лоудбелла. Оставил Санфелл и прибыл жить в Ворнингбелл для того, чтобы помогать другу и его

супруге. Выступал в качестве наставника Велеса, обучал его и сопровождал на турнир. После того как Велес пропал, занялся его поисками.

Леона Вайткроу — сестра Вихта Вайткроу, еще не достигла возраста, когда леди выдают замуж. Талантливая красивая девочка, которую очень любят южане.

Либби Вайткроу — умершая в Новых Землях и сожженная там же для недопущения распространения болезни тетя Вихта Вайткроу, младшая сестра его отца.

Лилан Флейм — мать Верда, Марлы и Фейлна. Глубоко верующая женщина, видящая в старшем сыне лишь хорошие качества и возможность спасения мира. Тяжело переживает гибель мужа и борьбу за власть сына и брата Дарона.

Марла Флейм — дочь Дарона Флейма, сестра Верда. Завела роман с воином, забеременела и, чтобы не быть наказанной матерью, предпочла вместе с любовником сбежать из дома. Во время войны была спрятана Фейлном. Родила сына и не планирует возвращаться домой, желая счастливой жизни вдали от матери и борьбы за власть.

Мортон Бладсворд — младший брат Арелла Бладсворда, дядя Эрин и Брейва. Мечтал стать рыцарем, провел вдали от востока большую часть жизни, постоянно то возвращаясь домой, то вновь покидая его и отправляясь в Санфелл. Приложил руку к избавлению от Эрин, не мешал Брейву отправиться в изгнание. Стал наместником востока. Присоединился к войне Флеймов и Глейгримов, позволял Культуре Первых творить свои дела и пользоваться портами Бладсвордов.

Ниллс — бывший слуга и Магистр Шпионажа у Редглассов, простолюдин, который половину жизни был

уверен, что лишь благодаря лорду Экрогу избежал гибели. После того как узнал правду, выкрал Рорри Дримленса, желая привести его в Санфелл, и посмел пойти против бывшего хозяина.

Оггор — сир, прошедший обряд посвящения в Новых Землях, где и проживает. Является метисом, отправился командующим отрядом вместе с Амадинлин, к которой испытывает теплые чувства.

Олира Лонгтейл — кузина Раяла Глейгрима, сестра Этгена Глейгрима. Не смогла остаться в стороне, когда разразилась война между Флеймами и Глейгримами, оставила детей и супруга на севере и отправилась на помощь семье. Пленила Верда Флейма. До сих пор остается в землях Глейгримов, не желая возвращаться домой.

Райан Форест — правитель Династии, старший сын Мертора Фореста, брат Клейса и Ласса. Отец Фейг Форест, приятель убитого Рогора Холдбиста. Уважаемый народом мужчина, готовый на все ради семьи, но при этом постоянно находящийся в конфликте с младшим братом, которого ревнует к его обязанностям. Повесил выполнение своих обязанностей правителя на вассала и друга, Боуэна Хайтхорса. Отправился возвращать Ховвила из Кнайфхелла, опасаясь расстроить супругу и дядю Арло.

Раял Глейгрим — правитель Великой Династии Глейгрим. Является обладателем дара поднимать мертвецов, чем уже воспользовался, будучи преданным Бладсвордами у Кеирнхелла. Обладает даром с самого детства, но из-за переживаний родителей научился сдерживать себя, почти позабыв о таланте. Прозван вассалами и народом новым Проклятым королем. Сумел мирно разре-

шить конфликт с наследником Флеймов, заведя с ним дружеские отношения.

Ренрог Холдбист — младший брат Рогора Холдбиста, дядя Рирза, Ротра, Робсона, Рисса и Рианы. В юности прослыл чрезмерно жестоким человеком, забивал людей до смерти, из-за чего вселял страх даже в старших братьев и отца. Отправился завоевывать Новые Земли в лагерь Глейгримов и нашел там себе новый дом, став полноценным правителем. Неохотно вернулся на север, когда его позвал брат, выполнил все необходимые для помощи манипуляции, однако привычек не оставил. Отправился на поиски Рогора Холдбиста, когда тот пропал.

Риана Холдбист — младшая дочь Рогора Холдбиста, сестра Ротра, Робсона, Рисса и Рирза. Должна была исполнить волю отца и, если повезет, стать королевой Ферстленда.

Рирз — бастард Рогора Холдбиста, брат Ротра, которого сам же и убил, Рисса, к смерти которого также причастен, Робсона и Рианы. Был отправлен отцом в Новые Земли строить замок, но обрел союзника в лице правителя юга Вихта Вайткроу, вернулся в королевство, получил в дар замок на юге, вернул другу невесту, а после убедил того отправиться на север и захватил Фиендхолл. Страдает от потери памяти во время вспышек ярости, обладает даром Первых.

Рисс Холдбист — самый младший сын Рогора Холдбиста, убит Рирзом в раннем возрасте.

Рисс — сын Кайруса, королевской карающей длани, или попросту палача. Был похищен культистами с целью давления на его отца. Когда Кайрус решился на то, чтобы рассказать об угрозах регенту, мальчик был убит.

Робсон Холдбист — младший сын Рогора Холдбиста, брат Рирза, Ротра, Рисса и Рианы. Самый миролюбивый и мягкий из семейства, имеет больше женское

воспитание, был всегда более привязан к матери. Хороший семьянин, верный муж, успел обзавестись наследником. Легко поддается на уговоры, в том числе согласился отправиться на войну, чтобы поддержать племянника матери, Раяла Глейгрима, бросив север без правителя.

Рогор Холдбист — бывший правитель Великой Династии Холдбист, отец Ротра, Робсона, Рианы, Рисса и Рирза, к которому испытывает лишь неприязнь, переходящую в ненависть. Вел север и семью к процветанию, имел хорошие отношения с женой и приемлемые с законными детьми. Не ввязывался в войны, которые не могли ему ничего принести, надеялся стать отцом королевы, выдав дочь Риану за принца Аурана Старская. Убедил Райана Фореста отдать Ротру Фейг, расторгнув соглашение с Вайткроу. Чтобы получить выгодную невестку, избавился от предыдущей. До последнего сохранял достоинство и переживал за свой род. Пал жертвой неверных суждений Экрога Редгласса, общепризнан мертвым, однако значителен пропавшим.

Рорри Дримленс — наследник Великой Династии Дримленс, сын Тормера. После смерти родителей долгое время жил замкнуто в главном замке запада Профисайфелле, не получил никакого жизненного опыта. По дороге к королю был похищен Ниллсом по приказу Экрога Редгласса, некоторое время провел в Миррорхолле, затем в Шинфорте, после чего был сначала вывезен Ниллсом, после — похищен странствующим рыцарем, а затем попал к Культуре Первых.

Роул — один из Кulta Первых, глава небольшой группы. Жестокий человек, с радостью издевающийся над пленниками и обожающий всех строить. Поиском новобранцев-культистов занимается его брат Генлли.

Таллимия — дикарка из Новых Земель, дочь вождя, отправившаяся жить в замок и ставшая женой одного из завоевателей, Тхага Вайткроу. Мать тройняшек, Виллы, Велеса и Венса. Подруга Амадинлин, умерла в достаточно молодом возрасте, убита коренными обитателями Новых Земель как предательница. Тройняшки утверждают, что Таллимия имела магические способности.

Тимая — одна из сторонниц Культа Первых, лично преданная Ивтаду. Ищет новых сторонников, была в руках палача Кайруса, откуда ее, как было задумано регентом, спас Цом. Испытывает благодарность к юноше и желает переманить его на свою сторону.

Тоб — юноша из простого народа, родился в деревне в семье, где кроме него были лишь дочери. Ради родителей и самого себя отправился на обучение к лекарям в Цитадель, после был отправлен на остров Фейт, чтобы заботиться о душевнобольных. Исправно выполнял работу, пока не встретил Даффу Старской и Зэурана Независимого, убедившего его в необходимости сбежать. Надеясь получить обещанное золото, Цом согласился помочь. Крайне не рад тому, как складываются обстоятельства вокруг него.

Сир Тордж Проницательный — среднего возраста рыцарь из Серого Ордена, преданно служащий королю и регенту. Некогда был одним из наставников и помощников Клейса Фореста, вместе с ним избавлялся от семьи Лжеаурона, вывозил настоящего принца и сопровождал регента или короля во время встреч с наследником. Осведомлен обо всем, что происходит с Клейсом Форестом, является его ближайшим другом, готовым всегда поддержать или объяснить, в чем регент не прав. Имеет немало детей, которым старается помогать. Не покидает стен Синего города кроме как для военных походов и редких поручений.

Утто Грейвул — бывший моряк, ныне лорд Ветви. Некогда влюбился в воинственную леди Лиару Грейвул, ради которой согласился оставить свободу и отправиться в замок. Заботливый отец, готовый мстить за отпрысков, верный супруг, искренне борющийся за благо рода и готовый стремиться к совершенству. Обвинял Рогора в убийстве невестки, своей дочери, и как только Фиендхолл покинули все Холдбисты, решил захватить замок, чтобы отомстить. Южане во главе с Рирзом и Вихтом успели сделать это до него. Быстро понял, что враги его врага могут быть полезны, перешел на их сторону, познакомился с бастардом Рогора и южным лордом, в которых увидел союзников по ненависти к Рогору.

Фейг Вайткроу — дочь Райана Фореста, любимая племянница Клейса Фореста, супруга Вихта Вайткроу, в данный момент ожидающая пополнение. Была отдана в жены Ротру Холдбисту, которого возненавидела вместе с его отцом Рогором. На севере применила дар управлять животными, натравив их на лорда Холдбиста. Была похищена Вайткроу и Рирзом с рыцарского турнира, сбежала на юг, после чего, будучи вдовой, не имеющей детей, получила разрешение от отца и регента выйти замуж за южанина. Ее дар продолжает усиливаться.

Фейлн Флейм — младший брат Верда Флейма, стеснительный и неуверенный в себе, должен был наследовать трон за отцом, пока Верд был в плену, но легко отдал власть в руки Зейира, так как не посмел идти против него. Отправлен братом в Этернитифелл, подальше от опасности.

Хагсон Глейгрим — младший брат Раяла Глейгрима, с поступка которого разгорелась война Глейгримов и Флеймов. Довольно успешно вел войска, пока не был

пленен в Кеирнхелле Зейиром Флеймом, а после отправлен в Файртаун к Дарону Флейму. После того как Верд Флейм был объявлен пропавшим, Хагсона перевезли в укрепление подальше от Файрфорта доверенные лица Дарона, чтобы о его местоположении никто не прознал. До сих пор находится в плену.

Харг Редгласс — старший сын и наследник Экрога Редгласса. Не терпит кровопролитий и жестокости. Был отправлен в Новые Земли.

Хельга Редгласс — единственная дочь Экрога Редгласса, мечтает прославиться как боец, желает править родом, старшая из детей. Была отправлена в Новые Земли.

Ховвил Форест — кузен Райана, Ласса и Клейса, единственный сын Арло Фореста. Ответственный юноша, мечтающий прославиться как воин, вежливый и талантливый. Был отправлен на учебу к Мортону Бладсворду в Кнайфхелл и заодно должен был следить за тем, как идут дела в восточных землях. Пропал без вести, похищен Культom Первых.

Хэг Редгласс — младший сын Экрога Редгласса, имеет проблемы с умственным здоровьем, отчаянно оберегается отцом и сестрой. Был отправлен в Новые Земли.

Цом — слуга в Санфелле, простолюдин, родом из деревни. На его поселение напали люди Ниллса в одеждах с гербами Флеймов, чтобы отвести подозрения от Экрога. Получил увечья в виде многочисленных шрамов на теле, большого шрама на щеке и выбитых зубов. В числе прочих прибыл жаловаться королю и регенту, был оставлен Клейсом Форестом на службе в Санфелле в качестве слуги, за что испытывает огромную благодарность.

Шау Лоудбелл — глава Ветви Лоудбелл, вышедшая замуж за сира Отто Тихого и добившаяся, чтобы тому даровали свободу от рыцарства и титул. Мать Велеса и Сэйры Лоудбелл. Жила счастливой жизнью, преданно служа Дримленсам и не задумываясь о том, что не касалось ее семьи и земель. Тяжело переживала желание горячо любимого сына стать рыцарем. Когда Велес вернулся и убил Отто, Шау отказывалась верить в причастность сына к преступлению. Видела глазами Велеса и словно побывала в его теле, когда юнца пытал один из лекарей, примкнувших к Культуре Первых; убедилась, что сын жив и в его исчезновении виноват сир Саттон Настойчивый из Серого Ордена. Неотступно ищет наследника, не слушая советников.

Эббиана Холдбист — супруга Рогора Холдбиста, мать Ротра, Робсона, Рисса и Рианы, хорошо относилась и к бастарду мужа, Рирзу. Тяжело переживала смерть сыновей, несмотря на то что проводила мало времени со старшим, которого готовили на роль правителя. Понимая, что дочь тоже покинет ее, отдавала всю любовь Робсону. Переживает за Глейгримов, из рода которых произошла, плохо перенесла смерть Джура. Всем, чем могла, даже за спиной мужа, помогала племяннику Раялу Глейгриму, а после пропажи Рогора убедила сына вмешаться в войну.

Экрог Редгласс — правитель Великой Династии Редгласс, затеявший войну Глейгримов и Флеймов. Похитил Рорри Дримленса ради собственной выгоды. Считал себя непревзойденным хитрецом, однако совершил ряд ошибок, из-за чего лишился верного слуги, упустил пленника Дримленса и потерял ценного союзника — Рогора Холдбиста.

Эриза Редглас — единственная законнорожденная дочь Брейва Бладсворда, новая жена Экрога Редгласа. Воспитана быть примерной женой, неплохо ладит с отпрысками мужа. К супругу испытывает самые теплые чувства и считает себя счастливой женщиной, готовится стать матерью.

Эрин Бладсворд — сестра Брейва Бладсворда и Кейдс Форест, мать Грогара. Сбежала из дома, чтобы стать лекарем, но, когда жизнь стала слишком тяжелой и она лишилась покровителей, решила вернуться в Кнайфхелл вместе с сыном, где неудачно пыталась избавиться от Лилор Бладсворд, новой жены брата. Была обвинена Мортоном Бладсвордом в убийстве, изгнана с востока, и уже за пределами его земель попала в руки к Культуре Первых.

Кайрус

Королевский палач жил в поселении с людьми, жестоко убившими его сына. С теми, кто ставил свои цели превыше законов, превыше жизней. Кайрус, единственный, кто не относился к этому сборищу и скорее назывался врагом, чувствовал себя более или менее неплохо, он бы даже сказал, что с ним обращались вполне достойно. С одной стороны, он считался пленником, так как никуда не мог уйти по своей воле, за ним непрерывно наблюдали и контролировали каждое движение, а с другой — гостем, так как не понаслышке знал, как на деле относятся к невольникам в лагере.

Люди из Культа Первых и особенно их дети разглядывали карающую длань как диковинную зверушку, желающие поглазеть стягивались со всех концов стоянки, они ради безопасности — толпой всегда не так страшно, как по одиночке, — собирались в группки, перешептывались, указывая в сторону палача. Юноши и девушки, еще молодые, быть может, всего на пару лет старше Ларса, из тех, что отличались храбростью, подходили к нему и заговаривали. Обычно их беседа сводилась к коротким вопросам или проклятиям и грубым сло-

вам, а порой и попыткам пнуть или толкнуть мужчину.

Один раз девочка лет одиннадцати, чрезмерно худая, с волосами неприятного грязно-серого цвета, которые выбивались из-под самодельной шапки из тряпок, беличьих шкур и палочек, задорно торчащих во все стороны, бесстрашно, с самым надменным видом подошла ближе и от души ударила по миске с хлебкой. Мужчина тогда держал ее в руках.

Нет, Кайрус совсем этому не удивился. В юные годы жестокое отношение, мстительность, выкрики из толпы и ненависть в глазах горожан пугали палача, расстраивали, он постоянно пытался найти себе оправдания. Надеялся примириться с жителями. Еще учеником, он говорил на площади, что ни в чем не виноват, говорил, что это его работа, такая же, как молоть зерно, печь хлеб или стирать. Чуть после, когда палач уже женился, его удивляло совершенное нежелание жителей Санфелла понимать то, что на самом деле чувствует он, да и любой его брат по ремеслу. То, что делал Кайрус, являлось не более чем его работой. Делом, которое приносит деньги, еду, одежду, дом, возможность жить. Удивляла и все та же жестокость, она не исчезла с годами.

Но время шло, Кайрус умнел, набирался опыта, впитывал в себя полезные советы других мастеров топора и веревки. Он не только учился делать свою работу, но и обрастал прочным панцирем, через который никто не мог добраться до его истинных чувств. Понемногу наращивал слой за слоем. На лице он предпочитал носить маску равнодушия и непроницаемости, но не надменности.

Королевскому палачу помогало и то, что он от природы был спокоен и смирен, редко дрался в детстве, предпочитал не избегать конфликтов, изворачиваясь змеей, а игнорировать их как явление, ровно до тех пор, пока это было возможно. Отец объяснял Кайрусу в свое время, с чем тому придется столкнуться, предупреждал его, советовал, но никогда не оберегал и не защищал от гнева и унижения.

Когда в сына палача кидали камнями, карающая длань Его Величества не вмешивался. Отец не закрывал отпрыска от грязи, экскрементов, хотелось верить, только животных, и других неприятных вещей, которыми люди выражали негодование. Он не спасал сына от плевков и не прерывал того словесного потока и громких пожеланий смерти, которые обрушивались на юного Кайруса. Поначалу было очень тяжело, злость и обида на родителя мешали раскрыть весь потенциал и достойно показывать себя. Пожалуй, года три, а то и четыре, будущий палач свято верил, что ненавидит отца и Санфелл и те платят ему тем же.

С каждым годом становилось проще.

Тело крепло, а вместе с тем разум и душа учились находить то самое равновесие, из которого их было бы невозможно вывести. Со временем Кайрус понял, что должен был благодарить отца, к сожалению, тот оставил мир, так и не увидев первого внука — Ларса. Палачи хорошо питались, их лечили лучшие лекари, они не мерзли, а когда карающие длани уже не могли самостоятельно справляться, если дети не обеспечивали им уют, король назначал людей для ухода за верными подданными. Впрочем, к этому редко прибегали. Так получалось, что только один из десяти доживал до преклонных лет. Что бы ни делали правя-

щая верхушка или лорд, палачи умирали по дороге из дома или, напротив, домой. Они умирали на площадях и в лавках, у порога тюрьмы и посреди квартала, в одиночестве и в окружении множества людей. Умирали от ножей, топоров, веревок и камней, и нередко от сапог и кулаков. Редких, очень редких, лишь тех, кто действительно заслуживал и вел себя недостойно призвания, травили. Подсыпать в еду яд опасались потому, что слуги знати обычно предпочитали приобретать товары в тех же лавках, где и ненавистные карающие длани — у лучших торговцев, — и никто из жителей не желал напрасно наводить на себя подозрения, если дело того не стоило.

Кайрус видел за свою жизнь четырех мертвых палачей. Первым был, к сожалению, отец. Это воспоминание о крепком, невысоком мужчине с черной лоснящейся бородой и всегда одинаковым лицом, не важно, что он делал — убивал врага короны или обнимал детей, — и добровольно выжженным на руке знаком в виде петли, которого забили камнями и палками, как собаку, у самой площади, а после насадили на кол, уже не вызывало дрожи, как ранее. В тот день, увидев тело, Кайрус испытал страх. Он признавался старшему сыну, что боялся повторить эту же судьбу, рассказывал, что долго никто не помогал ему снять тело отца. Плакать палач не позволил себе ни в тот день, ни через цикл или год, но руки совсем не желали слушаться. От пережитого они дрожали.

Только защитники города помогли юноше убрать мертвеца с площади. Успокоения после этого все равно не пришло. Несколько сезонов Кайрус боялся ходить один, и через год, а то и меньше, он обнаружил мать и сестру почти в том же месте — с ними

поступили еще более жестоко. Ужас, который бурлил в мужчине, хоть тот и не показывал этого, копился. Вечером того дня, когда учинили суд над женщинами его семьи, в Кайрусе что-то сломалось — так говорила Онса, и мужчина не спорил. Супруга утверждала, что именно с того момента, как мать и сестра палача не вернулись домой, муж что-то понял, достиг какой-то истины и стал до омерзения спокойным.

Онса с юных лет была мудрой: Кайрус в самом деле многое осознал. Особенно остро он понял одну мысль, главную: подобная судьба ожидает всех представителей его ремесла, рано или поздно, так или иначе, в окружении толпы или один на один с убийцей, но каждого из верных слуг короны настигнет расплата. Не имело значения, что на самом деле испытывают палачи и убивают ли они в принципе хоть кого-то. В небольших городах чаще всего ограничивались наказаниями, может, одним убийством на пару-тройку лет. Зачастую палачи убивали меньше народа, чем городская стража, рыцари или воины в мирное время, а про войну и вовсе говорить не стоило. Но тех, кто носил знак какого-либо из орденов, уважали, а тех, у кого красовалась красная петля, — ненавидели.

У Кайруса был выбор, что делать с этим, и он предпочел самый, по его мнению, верный вариант — смириться. Тем более после того, как Его Величество Гийер Старской приказал выпороть каждого тринадцатого на площади, а тех, чья вина будет доказана, вздернуть как предателей. После горожане успокоились и снова начали обходить мужчину стороной. Примирение с судьбой принесло Кайрусу плоды. Страх исчез, жизнь перестала казаться несправедливой, и душевное равновесие было восстановлено.

С тех пор Главный королевский палач уже успел пережить множество плевков и ударов. Его хороший друг Иол предлагал ему прекрасный способ борьбы с подобным — представлять, что может случиться с обидчиками, и чувствовать свое превосходство, однако Кайрусу этого и не требовалось.

Мужчина вылил свою похлебку на землю и пару раз встряхнул рукой с миской. Женщина в застиранном переднике, которая занималась раздачей еды, осуждающе посмотрела на пленника. Ей не нравилось, что того принимали как короля, — еще бы, ей, несмотря на старания и долгие годы службы Ивтаду, не доставалось и трети тех же привилегий. Дама сама жаловалась на это, и так громко, чтобы услышали в любых точках лагеря.

Ивтад, командовавший сборищем, велел относиться к пленнику с уважением и не сметь причинять ему вреда. Когда вожак сброда находился рядом, люди слушали его, и Кайрус мог чувствовать себя в полной безопасности, но стоило только защитнику отлучиться, как недовольные разом выползали и начинали виться вокруг. Серьезно ранить они опасались, но на мелкие пакости решались многие.

Оказавшись в лагере в первый день, увидев, с каким лицом многие смотрят на гостя, и услышав то, чего ему от всей души желают, королевский палач уже был готов смириться с печальной судьбой. Он ждал кровавой расправы, не понимал, почему его так долго куда-то везли, чтобы поквитаться, и думал только о том, что ему есть за что благодарить судьбу — его жена и дети остались в Санфелле, а значит, их время еще не пришло. Онсу, может быть, трогать не стали, она всего лишь женщина и жена. Да, ее назовут мате-

рю проклятых детей, избранницей убийцы, однако именно благодаря этому не решатся насиловать. Если повезет, большинство выступит против ее казни. Сейчас, когда с урожаем в землях Старскаев дела шли более чем хорошо и последние годы помогли людям насытиться, даже бедняки и попрошайки и те помирили реже. А сытые люди, как бы ни сердились, не могли сравниться по ярости и изощренности методов самовольной расправы с оголодавшими, лишившимися детей и надежды.

Но более судьбы супруги мужчину волновала судьба младшей дочери — старшая собирала приданое и вот-вот должна была перебраться в дом своего будущего мужа, в другую семью палачей, которые проживали на северо-востоке от Санфелла. Кайрус не простится с ней, зато велик шанс, что ее не успеют тронуть. Люд не отправится по ее следам, не станет тратить на это время. Ларс, настоящая гордость и опора Кайруса, первенец, который, в отличие от бедного милого мальчика Рисса, уже успел проявить себя, отличался не только послушанием и трудолюбием, показывая, насколько может повезти с отпрыском, но и уже преодолел тот возрастной порог, что считался самым опасным. Чаще всего дети, пережившие его, доживали до появления собственных отпрысков.

Преемника королевской карающей длани и младшую дочь ожидали бы самые жестокие казни, попади они Культу Первых. Скорее всего, Ивтад не стал бы защищать детей, он точно обозначил, для чего ему нужен Кайрус, но остальные порадовали бы толпу...

Вопреки ожиданиям, мужчине вручили другую миску с похлебкой, вырывая его из неприятных мыс-

лей. Видать, Ивтад умудрялся добиваться того, чтобы сброд его слушался. Но и в этот раз спокойно поесть у палача не получилось — молодежь обступила пленника. Один из них держал обеими расцарапанными руками со сбитой на костяшках кожей толстую палку, остальные же только сжимали кулаки. Несмотря на возраст, явившиеся выглядели весьма воинственно, а злость во взгляде и искореженные от смеси ненависти и презрения лица были совсем не детскими.

— Ты — королевский палач? — спросил юноша с палкой, и мужчина молча кивал в ответ.

— Это ты мучаешь в тюрьме людей, которые ни в чем не виноваты? — Кайрус и не рассчитывал на достойное обращение и приятные беседы. Он и без того был поражен, так как по пути готовился, что его бросят в клетку как зверька и заведут разговор о короле, регенте и их секретах. Вместо этого он жил не хуже, чем в своем доме в столице.

— Я не пытаю тех, кто не виноват. Если человека осудили ни за что, любой палач узнает это и сообщит своему лорду или королю. Но те, кто виновен, остаются в застенках.

— Ты за себя говори!

— Те, кто виноват, попадают ко мне.

— И ты их мучаешь?

— Я получаю информацию, которую необходимо получить, и не более того. Я никогда не ставил себе цели унижать и терзать кого-либо. Мне это не доставляет удовольствия, это всего лишь моя работа.

— Работа — это поля засеивать и пахать, муку молоть, обжигать горшки, мыть, стирать, печь, ковать. Это работа! — вооруженный юноша мнил себя главарем и говорил за всех, его спутники только выкрики-

вали слова согласия. — А то, что делают такие твари, как ты, это не работа. Ты издеваешься над людьми!

— Я не...

— Издеваешься! Мы все видели! Мы все пришли из города. Мы все из Санфелла. И все видели, что ты делаешь. Мы были на площади!

— Чудовище!

— Чтоб тебя земля поглотила!

— Первые избавят мир от тебя и всех-всех палачей! Ненавижу!

Кайрус отодвинул от себя наполовину опустошенную миску. Холод улицы пробирал до костей, его одежды порвались, их обещали починить, но не торопились с этим. Он вынужденно согласился носить другие вещи, но протертые рубахи из дешевых тканей, пусть и надетые в несколько слоев, так же как и штаны — Ивтад искал лучшее, — и его собственный камзол, не спасали от холода. Постоянно хотелось есть, а горячая сытная еда приносила с собой тепло только на некоторое время. В этот же раз Кайрус был лишен данного удовольствия, третью миску ему уже не вручат.

Пальцы на ногах замерзли, и мужчина встал, намереваясь уйти от разгорающейся ссоры. Драться с детьми и доказывать им что-либо — потеря времени.

— И куда это ты? Мы тебя не отпускали!

Юноша-главарь все же решил воспользоваться своим оружием и ударил Кайруса по спине. Удар вышел не сильным, скорее предупредительным. Палач не стал садиться обратно, и когда вооруженный вновь попытался ударить, подгадал момент и схватился за конец импровизированной дубинки. Не ожидающий этого юнец выпустил оружие, оставляя его в ру-

ках противника. Королевская карающая длань вышел из-за стола, отступил от столешницы и пеньков-табуретов, а затем сломал дубину об колено на две части. Со стороны это выглядело красиво, Кайрус не сомневался, но на деле же он зря решился на подобные фокусы — твердая деревяшка после соприкосновения с ногой, может, и превратилась в два бесполезных куска, но и сама конечность была совершенно не рада подобной встрече.

— Ты... Ты! Ты ничтожество! Ты проклятый! — главарь слишком расстроился из-за потери оружия. — Ты убил моего отца! Ты мучил его! На площади он не мог сам стоять, я видел, как его держат. Он не смотрел на меня... На меня! На своего сына... А он был строителем и учил меня, он кормил моих сестер! Он не сделал тебе ничего, а ты его убил! Ты убил не только его, но и их...

— Так вот почему ты так складно говоришь. — Палач не мог понять, почему простолюдин, пусть и из города, неплохо выражает мысли, а в его речах не проскальзывают исковерканные слова, простые обороты и проглоченные окончания.

Строители ценились, их детей охотно обучали вместе с будущими писарями и лекарями основам ораторского искусства, счетным наукам, грамоте, немного геральдике. Если, конечно же, были возможность и учителя, а в Сантауне их насчитывалось с избытком. Порой казалось, что даже прачки и горшечники в столице образованнее писарей из небольших городков.

— Хорошо говорю? Я мог бы стать хоть кем-то, если бы не ты! Моего отца утащили в тюрьму только за то, что он не верил в Богов. Он верил Ивтаду, верил

в Первых и мечтал, что истинные правители вернутся. Он не участвовал ни в каких бунтах, он был мирным человеком. С соседом, пьяницей, когда тот сестренку хотел в углу зажать, и то драться не стал, а по душам поговорил. Ничего дурного не делал, только приятелям и соседям поведал, что Первые-то лучше лордов всех. И за ним ночью пришли. Его обвиняли в том, чего он не совершал, уж я-то знаю.

— Если человек невиновен, я об этом узнаю и сообщаю Его Высочеству и Его Величеству...

— А если надо, чтобы он признался? Я знаю, так делают.

— Ты весьма просвещен. Если твой отец не был хотя бы бастардом какого-нибудь лорда, то никто бы не стал приказывать ни мне, ни какому-то другому палачу. Какой с этого прок?

— Отобрать наш дом и то, что у нас есть!

Кайрус не посмеялся над глупым главарем шайки только потому, что не считал это правильным, — тот потерял отца и ввязался в Культ. Если сейчас над ним еще и смеяться, ничем хорошим это не закончится ни для вспыльчивого сына строителя, ни для палача.

— Ты, полагаю, знаешь, — попытался вразумить безумца мужчина, — что мы весьма обеспечены и у каждого палача есть собственный дом. Если мы прибываем в город, нам отдают жилище. Мы не имеем права забирать чужие дома, и тем более не мы решаем, кого следует отправить в тюрьму. Про убийства я и вовсе говорить не вижу смысла.

— Тогда вы договариваетесь с кем-то, — упрямо продолжал настаивать на своем хозяин палки. — Я ведь не один такой! У нас у всех отобрали дома. Нас выгнали на улицу, нас лишили родителей. Часть по-

шла со мной и присоединилась к Ивтаду, а многие остались в городе, они надеются вернуть свое. Но я знаю, что у них не выйдет. Я знаю!

— Я не понимаю. — Кайрус видел, что юноша готов продолжать говорить, и понимал, что надо разобраться со всем этим как можно скорее. Пусть он и был в плену, но, если верить Ивтаду, заточение не станет длиться вечно, и рано или поздно мужчина сумеет добраться до регента. А если так, то лучше всего получить как можно больше информации, которая после сможет помочь Его Высочеству и Его Величеству. Надежда еле-еле трепыхалась в душе Кайруса, и он попытался придать своему голосу как можно более сочувствующие нотки: — Расскажи мне, что у вас случилось. Я не имею к этому никакого отношения.

Главарь высыпал еще порцию оскорблений, погрозил кулаками, а когда палач сел обратно на табурет, ребенка прорвало. Непонятно почему — то ли из-за Кайруса и его попытки вести себя дружелюбно и сопереживать, то ли потому, что юноша хотел высказаться и наконец встретил те самые уши, да еще и в лице виновника, и больше не мог сдерживаться. Излияния увлекли и верного королевского слугу, он слушал, запоминал, выражал сочувствие ребятам и надеялся, что вскоре передаст услышанное регенту и его доверенным лицам.

Юношу звали Эйг. Его отец, как уже сообщили Кайрусу, строитель, несколько лет назад потерял руку — во время возведения то ли крепостной стены, то ли здания плохо закрепили валуны. Происходило это в Новых Землях, куда все семейство перебралось, вызвавшись добровольно. Мужчине повезло, что он остался жив. Сломанная в то же время нога, в отличие

от руки, срослась ровно, ей удалось вернуть прежнее состояние и подвижность. Верхнюю конечность не просто придавило, а надолго зажало между камнями и в нескольких местах проткнуло щепками от сломанной деревянной конструкции, которая должна была удерживать валуны.

Кости в кисти и пальцы перемололо в муку, куски дерева занесли в рану что-то, рука воспалилась и раздулась. Лекари не могли спасти ее и, чтобы строитель выжил, отрезали по самый локоть.

С такой травмой работать как прежде было невозможно, а уж обитать в Новых Землях, на территории строящегося замка, и того хуже. Опасно. Строитель, опытный и успевший прославиться, вполне мог командовать, но он посчитал травму плохим знаком и вместе с семьей отправился в Ферстленд. Поскольку денег у семьи было вполне достаточно, они обосновались в Сантауне, во внутренней его части, недалеко от стен замка. Опыт и знания помогли мужчине найти работу, и он даже начал обучать — разумеется, за плату — основам, которые могли пригодиться горожанам. Например, он рассказывал, как сделать так, чтобы печь лучше грела, или как подешевле укрепить крышу. Советы, хоть и не бесплатные, помогали. Находились и желающие пойти по стопам строителя и обучиться выгодному и почетному ремеслу.

Монеты не текли рекой, но хорошее месторасположение дома и острый ум приносили свои плоды. Через год после переезда в столицу семья пополнилась на одного ребенка — у Эйга родилась третья сестра, еще через два — мать умерла родами и забрала с собой младшего брата.

С тех пор отец Эйга перестал верить в Богов, которым усиленно молился. Раньше он ходил в Храмы и жертвовал, сколько мог. Теперь же мужчина тяжело переживал утрату и не был способен смириться с тем, что его идеальная семья распалась. Наследник продолжал обучаться, его знакомые из писарей и лекарей последовали примеру строителя и также начали обучать за звонкую монету, но Эйга по старому приятиельству пускали учиться бесплатно. Со временем жизнь начала выравниваться и в памяти не всплывала смерть женщины, можно было даже сказать, что семья жила счастливо.

Увлечение отца Культом Первых было поверхностным, в отличие от сына: он слушал проповеди, пару раз вступал в дискуссии на улице и утверждал, что культисты говорят верное дело — лекари поголовно ничтожества, Богов не существует, лорды на троне не способны контролировать то, что обязаны... Одним словом, мужчина не мог пережить гибель матери его детей и обвинял в этом всех, кто попадался на пути. Вероятно, вскоре он начал бы обвинять в том числе и сам культ, для этого требовалось лишь немногим больше времени. Эйг утверждал, что его родитель стал чрезвычайно ворчлив, он не просто сетовал на всех и каждого, но и обучился отыскивать и приводить разумные доводы.

Жизнь юноши изменилась в один день, когда за отцом явились воины. Строителя отвели в тюрьму и отдали в руки палачам. Оставшиеся без кормильца дети не знали, что делать, и именно в это время им решил помочь то ли сын, то ли муж дочери, то ли еще какой-то родственник ростовщика. Добрый человек поведал, что если заплатить приличную сумму

палачу и страже в тюрьме, то отца непременно освободят. Накоплений, разумеется, у семьи имелось немного, и тогда этот же советчик предложил заложить дом. Он говорил юноше, что раз глава семейства хороший строитель и даже бывал на пиру у Его Величества, то заработать, чтобы отдать нужное или попросить у друзей и вернуть сначала дом, а после и то, что должен, ему не составит труда. Эйг был согласен с родственником ростовщика — отец и правда мог придумать что угодно, и волноваться об этом не имело смысла — и согласился.

Всего через три дня строителя казнили вместе с неизвестными мальчишке бунтовщиками и преступниками. Эйг ходил к ростовщику, он хотел потребовать деньги обратно, кричал что-то, даже пытался подражаться, но ему нечего было предъявить. Никаких доказательств не имелось, родственник утверждал, что впервые видит сына строителя и ни в коем случае не стал бы идти против короля и его палачей и кого-то подкупать.

А вот бумаги по дому были подписаны. Срок, за который Эйг должен был отдать всю сумму, Кайрус счел издевательством, взрослый не сумел бы заработать нужное, а детям и подавно платили сущие копейки. Вскоре главаря шайки с сестрами прогнали на улицу, старший отпрыск строителя работал, сколько мог, и все, кроме денег на еду для себя и сестер, он тратил на выплату долга, но дело почти не двигалось с места.

К старшей из девочек нередко приставали на улицах, и юноша был вынужден отдать двух сестер помощницами к прачкам, а третью, которой уже впору было копить приданое, к пожилому бездетному рыбаку. Девочки трудились ничуть не меньше брата, но

не получали за это ничего, кроме крова и еды. Рыбак оказался совсем не добрым человеком, юноша предпочел не вдаваться в подробности и только заявил, что теперь у него осталось лишь две сестры.

Сам же Эйг продолжал экономить на всем и только и делал, что работал и носил монету за монетой. Спустя всего три или четыре цикла — он потерял счет времени — уставшему, выбившемуся из сил и заметно исхудавшему сыну строителя сообщили, что больше он может не стараться и дом теперь принадлежит ростовщику. Время на выплату долга закончилось. То, что юноша сумел заработать и принести, отпрыску казненного не вернули и вновь сделали вид, что не понимают, о чем он говорит. Эйг второй раз попался в ту же самую ловушку и на этот раз лишился всего, в том числе и надежды.

Расстроенный, обозленный на весь мир, он много раз наведывался к ненавистному двору, кричал под окнами и требовал свое, но вместо того, чтобы вернуть хоть что-то, юношу избили охранники любителя обманывать честных людей, да так, что тот с трудом смог доползти до своего угла, который ему выделил кузнец взамен на посильную помощь.

Боль не позволяла Эйгу встать несколько дней, и в итоге кузнец прогнал его за безделье. Там, где юноша подрабатывал по утрам и вечерам, также быстро нашли замену пропавшему.

Чтобы выжить и чувствовать себя под защитой, мальчишка приткнулся к небольшой группе культистов и отправился вместе с ними прочь из города, в котором больше нечего было делать. Тащить с собой кое-как пристроенных сестер он не решился. За время общения с Культом Первых, которые называ-

ли себя Посланниками, сын строителя убедился, что нынешние правители недостойны жить. Раньше он верил в Богов и молился, мать водила его в Храм, а в Новых Землях — к алтарю с деревянными фигурками, рядом с которыми стояли богослужители. К последним семья приходила в каждый требуемый для этого день, чтобы очистить тела и души. Но Боги не спасли ни потерявшего веру отца, ни мать, которая до самой смерти молилась и просила не о собственной жизни, а лишь о помощи семье, о том, чтобы ее дети ни в чем не нуждались.

Рассказ не тронул сердца Кайруса — он слышал много похожего. Бывали истории и более ужасные, и с худшим концом. Годы сделали его черствее, и потому мужчина сумел выслушать не только излияния о печальной жизни сына строителя, но и истории его спутников. В чем-то они отличались, но в каждой — ростовщики отбирали дома и лавки, преимущественно те, которые располагались в самых удачных местах.

Родителей, в особенности мужчин, а также более взрослых братьев забирали в тюрьму, а чтобы спасти кормильцев, родственники закладывали, что только могли, но в итоге никого не отпускали, а долги выплачивать не получалось. Дома быстро находили себе нового владельца, так, будто стоили копейки. Двое товарищей Эйга рассказали, что лавки приобрели люди, которые маловероятно смогли бы когда-нибудь накопить на хорошее место. Кто-то из покупателей домов раньше и вовсе ничего не имел, а кто-то держал лавку, в лучшем случае, во внешнем городе.

Казалось, новых владельцев совершенно ничто не связывало, но Кайрус запоминал подробности, име-

на, месторасположения и ремесла пострадавших. Про себя палач решил, что постарается, как только представится шанс вернуться в Сантаун, донести до Его Высочества и Его Величества настолько полную информацию, насколько сможет. Ростовщики всегда чувствовали себя слишком уверенно и старались обезопаситься, еще и перечисляя немалые суммы в королевскую казну. По всему Ферстленду, а может, уже и в Новых Землях, у них имелись свои люди. Палач слышал, что те обитают только в столицах, так как по-иному невыгодно. Порой поговаривали, что все ростовщики — родственники и подчиняются одному, сидящему в Санфелле, но Кайрус не верил в это.

Эйг с приятелями признался, что они шли к палачу с одной-единственной целью — поквитаться. Хотя бы с одним из перечня обидчиков. Кайрус поведал в ответ, что не помнит ни одного имени из тех, которые ему назвали. Трижды он казнил на площади людей, ранее допрошенных его соратниками, так как у них привалило другой работы, но плохо запомнил, как звали несчастных. Он зачитывал приговор и почти сразу же освобождал память от ненужного.

Кроме семьи Кайруса в городе проживало еще несколько, в том числе и Иол с родней. Хотелось верить, что приятель ни при чем и не помогал ростовщикам обманывать горожан. Мысль, что человек, у которого в последние сезоны появилось прилично средств для приданого внучкам, может быть одним из тех, кто не чтит законы и действует за спиной Его Величества, посещала Кайруса уже несколько раз. Он решил в первую очередь обязательно убедиться в невиновности друга, а если тот все же виновен, то просить Его Высочество о снисхождении.

Да, скрывать от Клейса Фореста кого-либо, пусть и друга, мужчина был не намерен. В конце концов, Иол приносил такую же клятву и имел собственную, уже седую голову на плечах. Чем больше Кайрус слушал, тем больше понимал, что требуется незамедлительное вмешательство, но отпускать палача с докладами из лагеря пока не думали. Ивтад говорил, что нужно дождаться призыва. Как тот будет происходить и когда именно, культисты не сообщали, но готовились обитатели лагеря знатно.

Группы людей продолжали прибывать и приводить новых пленников — и женщин, и мужчин. Среди них были те, у кого на одеждах проглядывались гербы, и те, кто очень отличался от местных жителей, — темнокожие, с цветными рисунками на теле, говорящие на чужом языке. Их зачем-то отловили в Новых Землях и тащили с собой через море и половину материка.

Кайрус продолжал тщетные попытки переубедить Ивтада, пытался узнать еще что-то важное у приверженцев Культа Первых, но в обоих делах потерпел поражение. К пленникам его также пускали весьма неохотно, он прорывался, лишь когда его оставляли без присмотра. Подавляющее большинство не желало разговаривать, а нередко предпочитало не замечать мужчину вовсе.

На открытых участках тел несчастных палач видел следы от плети — скорее всего, так людей убеждали прекратить кричать или бросить мысли о побеге. Виднелись полосы от кандалов на руках и ногах, но не более. Истощение принесло куда больше вреда, чем мучители. С другой стороны, Кайрус встретил и нескольких пленников, которых подвергали пыткам.

Чем одни представители знати отличались от других и почему кто-то заслужил особой жестокости, мужчина не знал. Он интересовался у главаря и стороживших его мужчин, но понял только, что пытать бастардов, коих оказалось намного больше, чем лордов и леди, считалось занятием неинтересным.

Наконец, после очередного обеда, явившийся побеседовать Ивгад предложил Кайрусу выпить. Палач не стал отказываться от возможности согреться. Главарю Культа подали изысканный по меркам лагеря ужин, и тот разделил трапезу с пленником.

— Многие мои братья и сестры прибыли, мы ждем припозднившихся. Еще немного, и, быть может, мы начнем без них. Совсем скоро все свершится. Кайрус, ты не представляешь, как долго и с каким нетерпением я ждал этого момента! По моим расчетам, осталось чуть более чем половина цикла. Начнется новая эпоха...

Рорри

Санфелл был огромен. По-настоящему огромен, прямо как говорил дядюшка Уоррк, как рассказывал Харг, упоминал лорд Экрог Редгласс, как описывал Ниллс. Когда-то очень давно, совсем в детстве, тогда отец Дримленса, живой и здоровый, путешествовал с наследником, Рорри бывал в главном замке Ферстленда, но не особо его запомнил. Тогда он ходил всюду в сопровождении, высоченные воины загораживали ему обзор, и он мог рассмотреть только своды потолков, голубые, с синими узорами и изображениями туч — от черных до белых, — упирающиеся в них колоннами с золотыми вензелями, и натянутые между них цепи. То, что помнил лорд, по-прежнему осталось, но теперь он мог видеть и остальное.

Санфелл поражал воображение. Говорили, что его строили неприступным, но прекрасным, величественным настолько, чтобы показать возвышенность королей. По мнению Рорри, те слишком уж стремились возвыситься, от этого становилось не по себе. Замок в Синем городе выглядел в разы больше, чем родной дом лорда, Профисайфелл, и был намного больше Миррорхолла. Санфелл превышал, пожалуй, в десять раз Шинфорт, а одна башня королевского

дома выглядела массивнее всей крепости, в которую Рорри привел сир Цимт до встречи с культистами.

Людей в обители Старскаев проживало и неизменно находилось огромное множество. Замок Дримленсов вместе со всем их и внутренним и внешним городом, даже с казавшимся некогда мальчику бесконечным портом, мог с трудом сравниться с главным строением столицы и прилежащей территорией. Не покидая надежных высоких и крепких стен, на которых неизменно стояли караульные, лорд смог побывать и в саду, и у озера, и на огромной поляне, где развлекали себя верховой ездой, и на небольшом ристалище, где проводились мелкие турниры для развлечения короля и, бывало, сражались сами лорды, чтобы продемонстрировать умение владения оружием или повеселить сюзерена. Дримленс повертелся и у конюшен, и у площади, рядом с оружейными, где посменно практиковались в обращении с оружием рыцари и воины.

Пруды, дорожки, разнообразные цветы, множество беседок и статуй радовали глаз любого гостя. Как и вымощенные камнями, подобранными друг под друга, тропки для прогулок. Рорри только через два дня заметил, что причиной, по которой ему привиделось, что под ногами творится неладное, был не дождь — от главных ворот к замку вела широкая дорога, отличающаяся от остальной площади. Бульжники, из которых она состояла, имели удивительные цвета, от голубовато-серого они постепенно переходили в насыщенный темно-синий, причудливо поблескивающий при свете солнца и напоминающий штормовое море. Такой же цветной путь опоясывал главную лестницу перед центральным входом.

Аурон Старской, будущий король, приятно отличался от образа, придуманного Рорри. Не слишком противный, неожиданно вежливый с западным лордом, принц рассказал, что переделали площадь совсем недавно, в самом начале правления его отца. Он же рассказал, что помогали Старскаям в этом Вилстронги, известные добытчики разноцветных камней. Они в течение многих лет подбирали то, что будет соответствовать задумке Его Величества, и доставляли в сундуках, по слухам, обитых бархатом, чтобы ни одна грань не пострадала при перевозке.

Принц был приветлив, любезен и улыбался Рорри при каждой встрече, но сын Тормера продолжал чувствовать себя некомфортно рядом со Старскаем. Дримленс понимал, что они совсем не похожи, он не знал, что значат эти улыбки, и сомневался в их искренности. Рорри не считал Аурана другом и не сумел бы принять его таковым — мальчики жили совсем в разных условиях, будущий король никогда не переживал того, что доводилось его гостю, он не успел набраться опыта и повидать мир, а вскоре они оба займут свои законные места и их общение сведется к обычным отношениям между вассалом и сюзереном.

Регент же, пусть и выступал на стороне Дримленса, когда тот прибыл и подвергся насмешкам, но был слишком стар, чтобы стать другом, и, что хуже, выглядел серьезным и был постоянно занят. В Санфелле проживало много детей прислуги, они помогали своим семьям, за что получали еду и крышу над головой. Но, приученные не прохлаждаться и выполнять работу, они не имели свободного времени или не же-

лали проводить его в обществе знати — Рорри часто видел, как ребятня заканчивала игры при его появлении. Юные простолюдины говорили с лордом вежливо, кратко, только по делу. С одной стороны, сердиться на них не за что, а с другой — это расстраивало. Воины, рыцари, советники, писари, лекари — все они были заняты делами и имели какие-то иные развлечения. Те, кто спас Рорри от жестоких и безжалостных людей, сиры из Серого Ордена, отправились по новым поручениям, напоследок пожелав мальчику быть сильным и идти вперед.

Во всем огромном, кажущемся бесконечным замке, с его просторными залами, многоступенчатыми лестницами, обширной территорией и многочисленным населением, не было ни одного родного, близкого человека. Рорри не с кем было поговорить, и он остро ощущал одиночество. Пока Его Величество не проболтался, что о несчастьях Дримленса и похищении его сначала лордом Редгласом, а после и сиром Цимтом поведал Ниллс.

— Ниллс? — оживился наследник западных земель. — Он же... Его же убили! Или не убили? Он сумел выжить? Он и сейчас жив?

— Ниллс прибыл в Санфелл и явился как один из просителей в последний день цикла, — ответил принц. — Он выглядел не лучшим образом, милорд, и поведал о своих неприятных приключениях и отвратительном, недостойном рыцаря поведении сира Цимта и его товарищей. Сам Ниллс также поступил чрезвычайно неправильно, он поддерживал все деяния лорда Редгласа. Впрочем, он даже не отрицал проступков.

— Ниллс жив? — не унимался Рорри.

— Да, разумеется. Его Высочество приказал заключить Ниллса под стражу, но, поскольку он является ценным свидетелем и может быть полезен, его отправили в хорошие покои, где он до сих пор проживает. Лекари позаботились о его излечении. Я предполагаю, что ничто, кроме шрамов, теперь не волнует его.

— Но почему он в тюрьме? Ниллс помогал мне и защищал меня, и за это его отправили в тюрьму? — Лорд запада поднялся на ноги. — Это несправедливо!

— Милорд Дримленс, полагаю, вам лучше присесть обратно. — Будущий король удостоил Рорри чести сидеть с ним за столом во время завтрака. Может, раньше бы мальчик и был счастлив, что его возвысили до подобного ранга, но не в этот раз. Аурон вежливо указал вассалу на место: — Вы еще ничего не отведали. А Ниллс будет находиться там до прибытия лорда Редгласса и суда.

— А после?

— Полагаю, что это зависит от решения суда и слов самого милорда Редгласса.

— Я не хочу, чтобы дядюшку Экрога сажали в тюрьму. И Ниллса тоже!

— Милорд Дримленс, никто не станет обвинять лорда Редгласса в том, чего он не делал, или наказывать, не имея доказательств. Мы с Его Высочеством лишь желаем понять, что происходит в Ферстленде. Разве вы не желаете того же? Может быть, вы все же присядете?

Аурон Старской продолжал сидеть за столом, хоть и отодвинул от себя блюдо. Жест был сделан явно не потому, что правитель переживал о судьбе важных для Рорри людей, а потому, что его гость позволил

себе нарушение всех давно заложенных и выполняемых на протяжении веков традиций и встал, следовательно, закончил завтрак раньше будущего монарха. Это дозволялось лишь в случае, если король давал на это устное разрешение либо была угроза для жизни лорда, его семьи или правителей Ферстленда и тому имелись доказательства в виде письма. Послания за столом читать разрешалось после второй смены блюд каждому, кого принц или король пригласил лично — а вместе с тем отметил хоть и не как равного, но как доброго и ценного гостя.

Исключением из любых правил служили две причины — рождение первенца у кого-либо из присутствующих, благодаря чему лорд мог удалиться в любое время, и война, которая снимала любые ограничения. Во время войны подобные завтраки были редкостью, но тем не менее.

— Я должен поговорить с Нилсом. Я хочу его видеть! — Рорри не стал присаживаться, а, напротив, вознамерился уйти. Дядюшка Уоррк обучал его манерам, и лорд помнил большинство из повторенных неоднократно слов, однако ему стало совсем не до того. — Ваше Величество.

Дримленс вспомнил о вежливости в самом конце, у двери. Поспешно поклонился, не дождался разрешения и вылетел. Когда слуга закрыл двери, Дримленс уже скрылся в коридоре. Он взбежал по лестнице, проследовал в Большой зал, затем сунулся в Башню Мудрости, а после обошел остальные места, где регент мог с кем-то беседовать, что-то считать или кого-то отчитывать, но так и не натолкнулся на Его Высочество. Рорри поднялся к покоям, но стража не позволила ему приблизиться к дверям в опочиваль-

ню Клейса Фореста и не отвечала, есть ли их хозяин в ней или нет.

Мальчик очень долго пытался добиться хоть какого-то ответа, просил, чтобы ему разрешили хотя бы заглянуть к регенту, уговаривал позвать его, если уж Дримленсу вход запрещен, и топал ногами, угрожая стражникам, пока наставник принца Ауруна не объявился.

Клейс Форест был высок, как герои из тех сказок, которые слушал в детстве Рорри, и напоминал украшающую главный вход в Профисайфелл статую Фралса Дримленса, построившего замок. Внук западного правителя заказал у камнетесов и скульпторов три статуи и бюст родственника. Последний до самого отъезда Рорри стоял в Большом зале, одна из статуй нашла пристанище у главного входа, а две другие были утеряны во время войн. Лорд Форест выглядел, как и прежде, доброжелательно-отстраненным, и, вероятно, слухи не ввали — по-настоящему каменным. Жестким, твердым и непоколебимым. Это еще более роднило регента с изваянием.

— Вы выбрали не самое удачное время, чтобы навестить меня, милорд Дримленс. — Клейс держал в руках три толстые пыльные книги. Рорри не понимал, зачем опекуну Ауруна Старская что-то читать и учить, если тот уже добился всего, чего только может пожелать человек. — Я планировал посвятить время самообразованию. У вас что-то случилось, милорд?

— Да. Ниллс находится в тюрьме, а над дядюшкой Экрогом скоро будет суд? Это правда?

— Я думаю, что нам не следует это обсуждать прямо здесь. В неподходящем месте и в не совсем подходящее время.

— Я хочу поговорить с Ниллсом! Я могу поговорить с Ниллсом, Ваше Высочество? — Рорри припомнил изученные некогда речевые обороты, чтобы показаться вежливым и получить желаемое. Уоррк в свое время потратил много сил, чтобы вбить в голову воспитанника необходимые традиции, и в тот или иной момент они всплывали.

— Зачем вам переговаривать с человеком, который обвиняется во множестве преступлений, да и к тому же дважды похитил вас? Он желал променять вас на монеты либо на иное вознаграждение, и, тем не менее, вы желаете его видеть? Для отмщения? Сведение личных счетов до суда мне понятно, это не требует объяснений, однако я не могу дозволить этого. Ниллс важен как свидетель.

— Я ни в коем случае не желаю ему мстить!

— Можете называть это справедливостью или как-то иначе...

— Нет-нет!

— Тогда я не понимаю, зачем вам это.

Рорри вздохнул. Ему совсем не хотелось ничего пояснять. Регент смотрел на него и явно ожидал продолжения беседы.

— Он не виноват! То есть виноват, но я успел узнать его намного лучше, чем вы. Я видел, что он сделал для меня. Он оберегал меня, защищал и спасал, а я не слушался и делал все иначе, не так, как он говорил. Я делал все ему назло, а он и не думал меня обманывать. А когда те пришли, он отрезал веревку и сказал мне бежать... — сбивчиво объяснял лорд Дримленс. В его голове текст звучал намного лучше.

Несмотря на власть и внешнее могущество, регент, как показалось юному наследнику, не так уж умен, как

про него говорят. Он не понимал ничего, что ему объясняли, не мог осознать, что даже простой смертный, человек незнатного происхождения, воин и никто более, может быть важен для лорда. Пожалуй, именно про таких дядюшка Уоррк говорил, что внутри красивой шкатулки есть только выдолбленное в дереве углубление. Может быть, это и есть правильное описание регента?

— Ниллс имеет для вас большое значение? — наконец поинтересовался мужчина.

— Да! — Неужели в шкатулке все же что-то имелось? — Очень большое. Мы много времени друг друга знаем. И он вез меня сюда...

— Милорд Дримленс, я сожалею, но встречаться с преступниками — не самое достойное занятие для лорда. Я бы сказал совершенно недостойное. Быть может, вы поищите друзей среди сверстников? В Санфелле нынче гостят шесть лордов с детьми, они принадлежат к Ветвям, однако среди них вы встретите троих юношей вашего возраста и двоих немногим вас старше... Они хорошо воспитаны, благородны и могут стать для вас добрыми приятелями.

Рорри очень хотел держать себя в руках, но Клейс Форест вызывал доверие, пусть и выглядел каменным, и в какой-то момент из лорда хлынуло все, что успело накопиться за несколько лет. Непрерывающийся поток изливался на голову регента, который после первых же выкриков, напоминающих истеричные, обнял за плечи дрожащего мальчика, провел в свои покои, где никто посторонний не сумел бы услышать беседы, и насильно усадил его на стул. А Рорри, не обращая внимания, лишь вещал и вещал, срывая голос на вскрики.

Наследник Тормера говорил о том, что испытал, когда его похитили в первый раз, и каким образом пережил смерть Уоррка и свиты сначала во сне, а после и в жизни. Он рассказывал, что чувствовал, когда был вынужден находить общий язык с детьми лорда Редгласа и проживать в незнакомом доме, где из его личных вещей при нем оставались лишь залатанные одеяния. Он убедил не выбрасывать их, а постирать и отдать, чтобы хранить как память. Дважды он надевал камзол, а после тот стал мал, и Экрог убедил гостя расстаться со старым тряпьем.

Затем Рорри поведал о том, что Ниллс его спас — так он думал в первые сезоны, а после про переживания, когда герой-спаситель пропал из виду. О том, какие чувства овладевали Дримленсом, когда его отправили в Шинфорт, в страшное место, где к нему относились даже не как к племяннику правителя, а как к обычному мальчишке. Там его принуждали заниматься жутким и изматывающим трудом, смеялись над ним и поколачивали за любой взгляд и лишнее движение, а уж за ошибки... В данном случае преувеличение было уместным. А лорд Редглас, которому Рорри доверял, не приехал и не спас воспитанника от избиений. И почти не писал.

Дримленс открыл регенту о страхе, пережитом им, когда мальчик понял, что его забирают из Шинфорта, чтобы вернуть в Миррорхолл и снова лишить приятелей, ставшего добрым наставником сира Цимта и друга Нуака. И о еще большем страхе, когда лорд понял, что Ниллс похитил его и не собирается возвращать дядюшке Экрогу.

Рорри говорил о своих мыслях, о том, что, будучи сыном правителя, он может еще меньше, чем обычный вояка или оруженосец. Мальчик изливал душу, вспоминая, как они с Ниллсом добирались до Санфелла, о том, что пришлось пережить, слушая правду о лорде Редгласе, и сколь больно было осознавать себя как пленника и товар, а не как живого знатного человека.

Рорри вывалил на Его Высочество всю свою боль от страха и унижения, рассказал о каждой шутке Нуака и об ужасе, с которым осознал, что оруженосец не является его другом. Что никогда таковым не был. Как и остальные, которым ранее Дримленс доверял.

А после Рорри заговорил о культистах, сире Цимте, его брате, крепости, сражении в ней, мертвых на лестнице и во дворе, Серых рыцарях, которые также не стали отвозить его домой, а повезли в столицу, к Форресту и Старскаю. И теперь Рорри находится здесь, как когда-то в Миррорхолле, и его опять принуждают искать себе товарищей. Для чего? Чтобы вновь, когда он приживется, отправить в новое место? Или для того, чтобы он пережил очередное предательство? Даже в Профисайфелле у старых приятелей и друзей теперь уже есть другие друзья, а у кого-то и семьи. А, быть может, они и вовсе не помнят Рорри как человека, лишь как лорда, и не захотят и переговорить с ним.

Его Высочество успокаивал лорда Дримленса. Пару раз он погладил мальчишку по голове и один раз обнял. Он позволил выговориться и, прежде чем говорить что-то, выслушал. Рорри был благодарен.

— Но почему для вас важен Ниллс, милорд Дримленс? Не зря же вы столь страстно желали его увидеть, что караулили меня у покоев.

— Ниллс добрый. Он пошел против меня только по чужой указке, а сам не хотел этого. Ему не надо никого убивать просто так, никого похищать или еще чего-то делать. И он все рассказал мне, как есть, всю правду. Ниллс учил меня. А когда на нас напали, он не думал о том, чтобы меня доставить или обменять на что-то, он отпустил меня и приказал бежать. Чтобы я смог спастись!

— Не думаю, что к своему похитителю вы должны испытывать благодарность, милорд Дримленс. Тем более после того как узнали, что он повинен в смерти ваших подданных.

— И Уоррка. Я знаю, что это Ниллс убил дядюшку Уоррка, но я его прощаю. У меня больше нет никого, кроме него и дядюшки Экрога, Хэга и Хельги. И Харга. Но я понимаю теперь, что лорд Редгласс ко мне хорошо относился потому, что я был ему нужен и выгоден, а Ниллс — не поэтому. А Хэг и Хельга были заодно с отцом?

— Ниллс утверждает, что они ничего не знали о делах отца и ни в чем не участвовали. Я не уверен, так ли это, но оснований лгать у покаявшегося нет.

— Думаю, это правда. Хорошо, что они дружили со мной не потому, что им приказали...

На некоторое время воцарилась тишина. Регент если и был озадачен словами Рорри, то виду не подавал, и мальчику думалось, все ли он сделал правильно, когда выплеснул мысли и переживания, обнажая душу. А может, Клейс Форест, как и другие, покивает, а после отправит лорда заниматься важными делами,

учиться или и вовсе отругает за глупые слова и накажет? Сошлет на неопределенный срок в какой-нибудь новый Шинфорт.

— Я могу встретиться с Ниллсом?

— Да, — регент улыбнулся Дримленсу, и сын Тормера засиял от радости. — Но только если вы пообещаете впредь вести себя согласно этикету, следовать традициям, тем более в присутствии кого-то кроме Его Величества и меня. Кроме того, если вам впредь потребуются поговорить со мной, вы сообщите об этом как положено, а не станете караулить меня под дверью или, что еще хуже, с боем прорываться в мои покои.

— Я обещаю!

— Я распоряжусь, чтобы вам позволили встретиться с Ниллсом, когда вы пожелаете.

— Сегодня тоже можно?

— Сегодня? Ох, милорд Дримленс, хорошо. Нет-нет, погодите! — Регент остановил вскочившего на ноги Рорри и дал ему платок. — Для начала приведите себя в порядок. Про меня и без того ходит слишком много слухов, чтобы позволять вам выходить от меня в таком виде.

Регент подал кувшин с водой, чтобы Рорри смог намочить платок и протереть заплаканное лицо. А когда у наследника западных владений, по мнению лорда Фореста, не получилось себя умыть таким образом, регент отобрал насквозь мокрый кусок материи и сам привел в надлежащий вид гостя Санфелла.

— Вы боитесь, что про вас пустят новый слух? — хмыкнул Дримленс. На душе стало значительно легче — то ли потому, что Клейс Форест разрешил ему встретиться с Ниллсом, то ли потому, что получилось выговориться, впервые за все время.

— Нет, милорд Дримленс, я опасаюсь, как бы после всего, что вам довелось пережить, какой-нибудь из слухов не прицепился к вам.

Пока Дримленса не выпускали в город, для него подбирали охрану и достойное сопровождение, а в самом замке из слухов ходили разве что истории, что детей регента рождает ему не только законная супруга, но и любовница. Про любовниц и вовсе очень любили поговорить, особенно женщины постарше, из прачек, из прислуги и кухарок, но стоило западному лорду заявить о своем присутствии, как они замолкали. Воители, по крайней мере из тех, кого довелось встретить за короткий срок Дримленсу, предпочитали обсуждать женщин и бравые похождения, порой эти разговоры вгоняли мальчика в краску, а иногда он слушал с интересом потому, что многого не понимал.

Его Высочество сдержал слово. Рорри пустили к Нилсу и разрешили взять с собой угощений. Уверениям, что ценный свидетель преступлений Экрога Редгласса ни в чем не нуждается, мальчик не поверил, и два рослых и, как на подбор, усатых и худосочных сира из сопровождения помогли сыну Тормера дотащить все, что тот пожелал отнести к убийце своего советника. Значительную часть этого составляли разнообразные засушенные фрукты, высушенные облитые медом ягоды и коренья, проваренные с ягодами сладкие травы, орехи, перетертые с медом и вином. Рорри всегда любил сладости и твердо знал, что вкуснее их ничего нет. Он также знал и то, что взрослые часто пьют вино, эль или другие неразбавленные невкусные напитки. Он и сам, когда хотел казаться

взрослее, пил неразбавленное вино или кислый эль с медом.

Впервые Рорри попробовал душистое, но горьковатое и обжигающее горло и внутренности пойло в шесть или семь лет — отец решил, что мальчику пора становиться мужчиной. Тогда содержимое кружки не понравилось Рорри, и он сплил его одному из псов. Тот охотно вылакал гадостный напиток и закусил случайно уроненным Рорри куском мяса. В тот раз пир у собаки вышел лучше, чем у наследника.

Сейчас вино так и не начало казаться вкусным, однако Ниллс был старше, вышел из простого народа, переживал мучительные дни в плену и, вероятно, мог пожелать утопить печали. Дримленс зашел вместе с рыцарями в трактир и по запаху выбрал два кувшина того, что мог назвать наименее противным. Рыбу, мясо, пироги, утку, набитую крупами с орехами и сушеными ягодами, фрукты, грибы — Рорри взял все, что ему приглянулось, и пусть этого и хватило бы на пир из нескольких человек, мальчику казалось, что угощений недостаточно. Не так много, как хотелось бы.

Рорри ожидал увидеть Ниллса истощенным и избитым, но слуга лорда Редгласса выглядел очень хорошо. Он совсем не походил на умирающего от голода, а от тех страшных ран, что оставили ему сир Цимт с прихвостнями, не осталось и следа. А может, они были надежно скрыты одеждами и Ниллс старался не обращать на них внимания?

Еще более удивительным Рорри показалось место обитания воина. Покои вместо камеры с каменным полом и решетками. Казалось, словно сын Тормера

пришел в гости к знатному приятелю, который по какой-то причине, например по болезни, не покидал пределов собственной спальни.

— Рорри? — Ниллс был и удивлен и рад. Дримленс надеялся, что в самом деле рад. — Я счастлив, что с тобой все хорошо! Не думал, что увижу, но... Но что ты здесь делаешь?

— Хотел узнать, как ты себя чувствуешь... Убедиться, что ты жив. И сказать, что скоро тебя вытащу! Ниллс, я обещаю, что вытащу тебя из этого ужасного места, из жуткой тюрьмы... Из этого отвратительного города!

Фейг

Легенды и сказки — неотъемлемая часть жизни каждого ребенка. Они призваны не только и не столько развлекать, сколько заставить начать обучаться, делать выводы, строить какие-то предположения, видеть хорошее и плохое, обратить внимание на тот или иной род, задуматься о различиях и, напротив, схожести людей. Фейг нравилось слушать про свою Династию, ее отец олицетворял истинного Фореста, такой же высокий, могучий, суровый только на вид и легко находящий общий язык со зверьем. Плохих сторон в Райане девушка не замечала.

Кроме того, с самого детства леди знала, что ее избранник и будущий муж — Вихт Вайткроу, он и сам раньше любил об этом сообщать всей округе и радостно водил невесту за собой за руку. Разумеется, Фейг интересовало, что говорят о его семье и предках, и услышанное только подтверждало, что будущий муж — прекрасный человек из великолепного и достойного рода.

Когда урожденная Форест немного подросла, то начала проявлять интерес к историям других родов. Она не слышала только про Глейгримов и Холдбистов, пока окончательно не повзрослела. Легенду

о Проклятом короле ей рассказала мать ее первого мужа, урожденная Глейгрим, — женщина чрезвычайно гордая своим происхождением, воспитанная, порядочная, статная, но порой очень уж волнуемая по любому поводу. А легенды про родню Рирза не желал рассказывать никто. После прочтения записей в комнате бастарда Фейг поняла почему.

Девушка считала всякие упоминания о магии вздором, учителя обучали ее в первую очередь мыслить здраво и искать объяснение кажущимся невероятными вещам. А лорд Боуэн Хайтхорс просил не отвлекаться на божественном вмешательстве, пока не придется отбросить хотя бы два иных варианта. Да, леди любила мечтать, этого не сумел отнять даже север, но ее мысли крутились скорее вокруг удивительных приключений, счастливой супружеской жизни, балов, приемов, плаваний до Новых Земель или еще дальше, разумеется, в окружении подруг, друзей, семьи и слуг. Она не мечтала о неведомых созданиях или нечеловеческих способностях. До поры.

Теперь же, когда ей пришлось столкнуться с собственными способностями, необъяснимым даром, отношение к детским сказкам начало переформировываться в нечто иное. А знакомство с Амфи и Оафи повлияло на леди Вайткроу и изменило ее отношение ко всему, что происходило в мире. Древний Культ Первых уже не казался состоящим из обезумевших душевнобольных мерзавцев, не желающих работать и способных только грезить о другой, сытой и счастливой жизни. С каждой новой просьбой к животным, которая заканчивалась удачно, мысли, что Первые могли в самом деле существовать, лишь крепили. Фейг было страшно от этого осознания.

Еще хуже леди пришлось, когда она поддалась искушению и порылась в вещах Рирза. Дело было не только в осознании подлости своего поступка, но и в том, что поиски завершились удачно. Удачнее, чем она желала.

Фейг убежала из помещения, закрылась в покоях и сутки не желала из них выходить. Псы выли под дверями, птицы бились в окна, лошади чуть не разнесли конюшню, но в тот момент леди было все равно. Первые несколько часов она только металась из угла в угол, вздыхала, жалела доброго и ничего не подозревающего мужа, вздрагивала от резких звуков и представляла ужасающие картины — то, что может произойти, если Рирз выйдет из себя.

Немного успокоившись и найдя в себе силы унять дрожь, Фейг села писать Вихту письмо. Не меньше двадцати раз она перечеркивала, разрывала и сбрасывала со стола бесполезные куски папируса. К тому моменту, как девушка поднялась из-за стола, так и не написав приличного послания, пол вокруг был усеян целыми и разорванными листами.

А что, если это письмо, то, которое еще не готово, прочитает в первую очередь сын Рогора? Что, если новая леди Вайткроу сама обречет своего мужа на гибель? Вихт доверял другу-северянину собственную жизнь и жизни семьи, чего уж говорить о письмах? Становиться виновницей смерти мужа леди не могла себе позволить, и эта страшная мысль прочно засела в голове. Она билась внутри в одном ритме с трепещущим сердцем, пугая более, чем осознание, что Рирз мог оказаться не тем, кем притворялся, быть хуже даже чудовищного лорда Холдбиста...

Требовалось придумать иной вариант, и тогда Фейг в голову пришла еще одна, не менее хорошая на первый взгляд идея — вызвать южанина домой. Положение Фейг позволяло прибегнуть к страшному оружию — упомянуть здоровье, придумать пару небольших и легко излечимых проблем, написать о беспокойстве за будущего наследника и ее настойчивом желании видеть супруга. Когда Вихт прочитает подобное, ни один северный лорд и даже сотня друзей не сумеют удержать его вдали от Фридомхелла. Дополнить письмо можно упоминанием про плохие взаимоотношения с Леоной, которая продолжала изводить жену брата. Фейг пришла к заключению, что идеальный выбор сделан, выпила воды, отдышалась прежде, чем снова брать в руки перо. Спустя всего четыре попытки собрать мысли вместе и грамотно изложить их на бумаге, она держала послание в руках. Леди подобрала те самые слова, важные и при этом не выдающие ее истинных страхов. Оставалось лишь отдать послание писарям или привести его в надлежащий вид твердой рукой, после того как страх отступит. Фейг колебалась, стоит ли посылать гонца или пару-тройку воров, но в конце концов решила сделать и то и другое.

Пока хозяйка замка страдала, день успел смениться ночью, служанки и придворные, которые ломились к ней в покои, устали и разошлись, псы поутихли, а птицы разлетелись. Визит к писарям пришлось отложить до утра. Немного пришедшая в себя и успокоившаяся Фейг заключила, что утром все станет понятнее, и принялась тереть платком перепачканные в чернилах пальцы. Пятна стали менее яркими, но окончательно не ушли, сколько бы леди ни мучила

собственную кожу. Она смочила ткань слюной, из-за чего чернильные отметины лишь больше размазались, платок перепачкался, но следы длительного общения с пером и папирусом по-прежнему красовались на бледных руках.

Не желая ни с кем общаться, голодная и уставшая, обиженная на солнце, которое слишком рано зашло и не дало девушке возможность сразу же отправить спасительные строки, Фейг улеглась спать. Она думала, что не сумеет сомкнуть глаз и проворочается до восхода солнца, однако провалилась в сон сразу, как только опустила голову на подушку. Рассвет остался в далеком прошлом, когда служанки сумели наконец разбудить хозяйку Фридомхелла.

— Миледи... Миледи, завтрак ждет вас. Миледи, вам нездоровится? Позвать лекарей, миледи? — Переживания отражались на внешнем виде Фейг. Одна из женщин помогла леди подняться, другая распахнула окно, а третья принялась махать руками над женой хозяина замка.

— Что? — Фейг щурилась, хотелось еще немного полежать в полумраке.

— Отвести вас к лекарям, миледи? — снова повторила южанка, которую приставили к новой хозяйке сразу же по ее прибытии. Леди до сих пор не могла привыкнуть к Мииле: та много волновалась попусту, любила повторять одно и то же по десятку раз. Порой слушать ее было утомительно.

— Глупая, да чего ты спрашиваешь? — грозно возмутилась вторая дама. Она была прислана отцом еще для помощи со свадьбой, да так и осталась. Крупноногая, с густыми бровями, которые придавали ее лицу вечно сердитое и недовольное выражение, с сильным

волевым голосом, она дружила с лекарской семьей и многому успела научиться у них прежде, чем лишилась мужа и детей. Женщина не рассказывала, что произошло с ее семьей, люди болтали, что она уехала из родного города в Гринтри и верно служила в течение почти десяти лет. Фейг в детстве боялась даму и прозвала несчастную Злобней. Кто ж знал, что после она станет одной из самых преданных и способных служанок замужней леди? — Куда ты ее потащила? Беги скорее за лекарями и за Гроссмейстером! Миледи Вайткроу, вам лучше лечь...

— Нет-нет, со мной все хорошо. — Фейг сложно было бороться со Злобней и ее отрядом помощниц лишь словом. Она перестала держаться за руку служанки и самостоятельно направилась к тазу, чтобы ополоснуться.

— Миледи, ваши руки! О, Боги, что с вами стряслось?

Крупноногая служанка прижала пальцы ко рту, чтобы более полно выразить испытанный ею ужас. Остальные же громко заохали и снова засобирались бежать за лекарями.

— Это всего лишь чернила. Ничего более. Я вчера вечером много писала, очень устала, у меня не было сил, чтобы идти куда-то и отмываться перед сном. И в такой час было неприлично поздно, чтобы будить вас. — Несмотря на непрекращающиеся охи, служанки вспомнили об обязанностях, помогли стащить ночное платье, отчего леди поежилась и захотела вернуться в постель. Убежать ей не позволили и принялись в шесть рук расчесывать урожденную Форест, умывать, оттирать ее пальцы и одевать для выхода из покоев в свет.

— Леди не должна выглядеть недостойно, — Злобня вспомнила о поучительном тоне. — Вы скоро станете матерью и должны подавать хороший пример своему сыну и тем более дочери. Ложиться с грязными руками непозволительно! Хорошо, что вы не явились в таком виде к супругу. Представьте, что бы он подумал, приди он к вам и застань в таком виде... И вы не лорд-правитель, миледи, ничто не могло вынудить вас торопиться с написанием. Вам в помощь выделены писари, которые способны и сами изложить ваши слова на папирус, исправить то, что требуется, а после переписать столько раз, сколько вы прикажете. Хоть всю ночь, хоть трое суток подряд, не прерываясь на сон и еду!

Служанки обычно не смели так говорить с хозяйками и тем более лезть в важные дела, отчитывать и поучать, но Злобня была на особом положении — Фейг воспринимала ее как няньку. Она любила суровую женщину, хотя бы за то, что та являлась ничтожкой, связывающей пережившую много хорошего и плохого жену Вихта с прошлым. С домом, Гринтри, где Фейг всегда рада, с местом, где отец воспитывает теперь уже нового ребенка.

С матерью у леди отношения были теплыми и дружескими, хозяйка Гринтри не прибегала к строгости сверх меры, но и Райан с появлением дочери стал папенькой. Самым близким человеком. Он смеялся над шалостями, часто защищал Фейг и не позволял лишней раз заставлять ее вышивать, вместо того чтобы отправлять на прогулку. Лишь дважды отец поступил неверно и расстроил Фейг — когда отдал ее Рогору и его никчемному сыну и когда не стал провожать дочь на север. Но на празднике в честь

становления девушки женой Вайткроу леди поняла, что разногласия потеряли значение и обид больше нет.

— Леди, не извивайтесь змеей, нам вас не словить. — Злобня поймала морщинистой рукой плечо женщины. Ее руки, дергающие за шнуры платья, были холодными и жесткими.

— Мне холодно. — У Фейг мерзли руки, они сморщились от холодной воды, пока их отмывали от грязи.

— Мы грели воду прежде, но вас не добудиться, — проворчала в ответ женщина.

— Нельзя так говорить с леди! — охнув, возмутилась Миила.

— Почему я должна терпеть подобную грубость? — поддавшись подсказкам южанки и дурному настроению, поинтересовалась новая хозяйка Фридомхелла. Она снова попыталась повернуться и потянуть завязки, чтобы чуть их расслабить, но Злобня оказалась проворнее.

— Потому что я не боюсь говорить вам правду, миледи. И давать правильные советы.

Где-то в мыслях Фейг сама же дополнила этот краткий ответ — еще и потому, что служанка успела принять уже несколько десятков родов вместе с повитухами и еще трижды помогала роженицам, когда никакой другой помощи не наблюдалось. Кухарка в Гринтри могла и не разродиться, если бы Злобня, растолкав всех, не принялась давить на живот женщины, помогая протолкнуть сына. Жизнь далеко не всегда складывалась так, как хотелось, последние события показали, что произойти может что угодно, и наличие под рукой человека с настолько хорошей